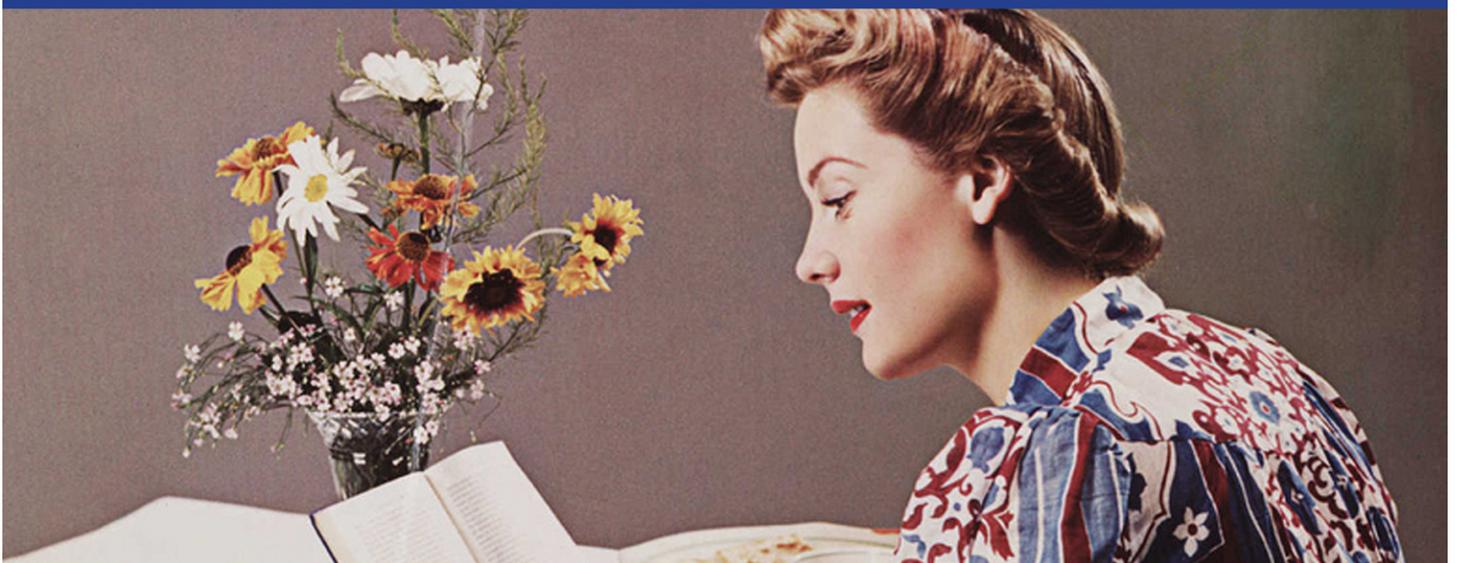

Галина Щербакова

Нескверные цветы

ФТМ

Галина Щербакова
Нескверные цветы

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

Нескверные цветы / Г. Н. Щербакова — «ФТМ»,

Новая, никогда раньше не издававшаяся повесть Галины Щербаковой «Нескверные цветы» открывает этот сборник. Это история Ромки и Юли из «Вам и не снилось» – спустя полвека. Какими могли бы быть отношения этих поистине шекспировских героев, встретиться они не в пору молодости, а на закате своих дней? Поздняя, последняя любовь – как цветение астры в саду – длится до самых морозов. Но потом приходит лютый холод, и даже эти нескверные цветы умирают. Грустная и светлая повесть Щербаковой «Нескверные цветы» – предостережение поколениям, живущим «коммунальной» судьбой в нашей стране. Под одной крышей и в одних стенах. Это молитва за оставленных детьми и близкими, но не потерявших страсти сердец стариков.

© Щербакова Г. Н.

© ФТМ

Содержание

Суббота, 26 сентября, утро	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Галина Щербакова

Нескверные цветы

Суббота, 26 сентября, утро

Ей снится странный сон. Она плывет по глубокой реке. Ее красивые руки мощно рассекают воду, а подбородок отважно и радостно лежит на воде. Но ей не страшно. Она во сне умеет плавать. Вот в чем вся штука! И еще ее сопровождают рыбы. Фасонистые лещи и мелкая шустрая вобла, брюхатая тарань и мелюзга без имени и фамилии. И все это ей в кайф. Будто рыбы – ее свита. Подбородок гордо выпятился, а рот отфыркивает воду. Она же такая вкусная, эта вода! Прохладная и пахнет травой и землей. И приходит умная мысль, что вода – цимес жизни, не земля и воздух, как говорила бабушка, а именно вода.

Она просыпается с мокрым лицом. Но так ведь не бывает?! Получается, бывает. Ее лицо просто-напросто все в слезах. Она слизывает их со щек, невкусные, теплые и соленистые слезы. Какой там цимес? Глупый сон, и слезы глупые. Но она, проснувшись, плачет не понарошку, а на самом деле. Она плачет – вот в чем хохма – от счастья. Какого, господи, прости?

– Идиотка, – говорит она себе, спустив с кровати бессильные от сна ступни.

Так и сидит она, и плачет, ожидая исполнения непонятной радости, одновременно ее мучает обида, что у жизни усталые обвислые ноги и руки не сильные, а вялые, как выкрученные после стирки полотенца. Радость сна не перешла в жизнь. Более того, она улетучивается с каждой минутой. И она делает усилие и сует ноги в тапки. Большой палец нашупывает в правом уголке. Не камень, не щепку, не скомканный конфетный фантик. Откуда он в ее доме, уголок?

Значит, сон все-таки был к счастью? Иначе когда бы она еще это вспомнила? Как она лежит в высоких неказистых цветах, воздух пахнет паровозом, а в небе высоко-высоко летит распластанная крыльями птица и смотрит на нее сверху, такую мелкую и незначительную на земле. И ей стыдно птичьего глаза, потому что над ней, девочкой, склонился мальчик и целует ее сверху вниз и снизу вверх, и от плеча до плеча. Она не помнила это уже тысячу лет. Дала зарок сразу после смерти мамы, ведь мама умирала, когда она лежала в траве и та колола ей спину. Но какое это имело значение, если каждый поцелуй снимал боль, а на месте боли возникало счастье? А мама в эту минуту умирала.

И вот все вернулось со сном и этой непонятной рекой, что виделась с балкона перилами моста, которые вычерчивали на небе странный рисунок, похожий на китайский иероглиф.

Нельзя сидеть, так и засидишься, а ей надо встать и размять свои уже немолодые косточки. Она посмотрела на руки, которые во сне разбивали воду, – куда нынешним! И она встает и размахивает руками, и дрыгает вверх коленками, и вертит себя то налево, то направо. Сто лет не делала зарядку. Это все сон. Она и река. И во сне она любит речку и что в воду входила только до трусиков, так и не научившись плавать, так это мама всегда кричала: «Дальше не ходи ни шагу! Слышишь? Там ямы, захлебнешься и не заметишь».

Она умылась и налила себе чашку чая. Сегодня суббота, выходной. Чай можно пить долго, как она любит, вприкуску, ощущая, как плавится сахарок на языке, как смывает его кипяточек, ласково – не сказать.

Сегодня по телевизору хороший фильм «Анкор, еще анкор!». Три раза видела, а всегда смотрит как в первый раз. У нее несколько таких помеченных фильмов. «Небеса обетованные», «Любовник» и «Однажды в Америке». Последний, правда, не повторяют, жаль.

Она моет чашку, ставит в сушку, надо позвонить дочери, хотя та злится, если она чем-то в этот момент занята. Ну, надо подождать, утро у женщины действительно заполошенное. Она идет из кухни в комнату и слышит возню у двери.

Она знает голос своего замка. С утробным звуком взрываемого металла открывает дверь дочь. И каждый раз она думает: сегодня она сломает его к чертовой матери. А поставить новый – это же сколько будет стоить. Внучка ковыряется ключом осторожно, будто боится оцарапать замок изнутри. Тогда она не выдерживает этого беспомощного ковыряния и идет открывать дверь, крича: «Вынь ключ, я уже тут!»

Сегодня врывалась дочь.

– Опять эта сволочь, – начала она с порога, – сказала, что у меня каблуки до неприличия сбитые. До неприличия, слышишь? Мол, стыд и срам. А вчера другая сучка, держась за перекладину в трамвае, говорит мне: «Что вы так пальцы растопырили, мадам, перекладина для вас одной?» Ну, посмотри, как так можно растопырить пальцы, чтоб занять всю перекладину?

Она на все жалобы дочери говорит всегда одно и то же: «Сонечка, это все нервы, сейчас на нервах все, и хорошие люди, и плохие. Прости их и не трави себе душу».

– Так я и знала... Получу что-то в этом духе. Знаешь, я от твоих поучений злею еще больше. Разве тебе иногда не хочется дать кому-нибудь по башке?

Это вот «дать по башке» – у нее через фразу. Как она не боится слов: они же живые, в них энергия. В конце концов какое-нибудь «дать по башке» взорвется у нее самой под ногами, и это не так глупо, как кажется.

С чем она пришла сегодня? Утро уж больно серое, давит на психику. Тучи развалились на крыше как у себя дома.

– Мне приснилось, что я плыву по реке, – говорит она дочери, – не знаешь, к чему бы это?

– Знаю, – отвечает дочь. – К переменам. Я с этим и пришла.

Лицо у нее какое-то вздорное, значит, что-то случилось. От этого «что-то» у матери сердце стучит, как ужаленное. Но разве ужаленное стучит? Ужаленное морщится, корчится, кривится и тихо помирает. Если собрать все глаголы в кучу, то получается то самое виноватое, робкое и жалкое «Господи, спаси ее и помилуй», которым сопровождается каждый приход Сони. Не виновата она, такая родилась.

Она помнит, как ее принесли на первое кормление: страдающая, уже чем-то обозленная, запеленутая мордаха с кривым ротиком. Нянька, разносившая детей, каждому давала определение.

– Ну, твой не меньше председателя профкома будет, уже сразу видно – и взяточник, и подхалим.

– А твоя тоже далеко пойдет, глаз у нее цепкий, как у кота за мышью.

О Соне она говорила так:

– Очень мы твоей не нравимся, вся аж искривилась от отвращения, соснет она из тебя кровушки за всех противных ей людей сразу. У таких всегда мать в ответе за все.

Откуда она могла знать? Неграмотная нянька с лопатистыми руками и лицом, полным жалости и к тем, у кого младенцы мордахой вышли, и к тем, на кого бы глаза ее, няньки, вообще не смотрели. А они смотрели, сволочи-глаза, и усмотрели на тридцать с лишним лет вперед, до этой вот секунды, как стягивает Соня копеечный плащик и швыряет его на стол как фашиста, а сама дрожит от нетерпения чувств.

– Что случилось? – тихо спрашивает мать, стараясь своим голосом погасить рождающийся в воздухе крик. Вот-вот сейчас, сию минуту...

– Я выхожу замуж, – говорит Соня, но голос ее – вот удивительная вещь – уже не в крике, а, как это ни странно, даже в благости, удовлетворении.

Третий раз в жизни мать слышит это сообщение. И в нем каждый раз надежда, что это уже навсегда. Глаза каждый раз не то что сияют, в них, конечно, огонь, но не тот, что светит, а тот, что как минимум жжется.

– Ты его любишь? – спросила мать.

– О господи, нашла слова. Слава богу, что не тошнит, как от Олега. Знаешь, какая у того последнее время была отрыжка? А ты про любовь. У тебя самой она была?

Она не знала, что сказать. Но ее вдруг неожиданно как бы закачало в высокой траве, а в босоножке кольнул уголек.

– Вот возьми и скажи мне, дуре, – кричит Соня, – она что, на самом деле существует, любовь?

– Замолчи, – тихо сказала мать, удивляясь, чего это ее колотит, будто она на обрыве, и еще одно Сонино слово и она – раз, и с концами вниз головой.

– Закроем тему, – сказала она сухо, – папу я любила. – И добавила, смеясь: – А знаешь, как любил тебя дедушка? Как любил целовать твою попку?

– Фу! – говорит Соня. – Это, по-твоему, любовь, что ли? Та, что любовь?

Это Соня. Это дочь. Она жжется каждую минуту. Природная оборона на всякий случай. Мать никогда от нее не слышала: «Я тебя люблю» – интересно было бы тогда посмотреть в ее глаза.

– Я тебя раньше не беспокоила, пока Варька была маленькая. Но сейчас сообрази! Квартиру ты завещаешь Варьке или нет?

– Но я ведь еще жива!

– А ты просто возьми Варьку к себе сейчас. У нее ноги с дивана свисают, а мы с мужем рядом, рукой подать. А тебе какая-никакая подмога: в магазин сходить, твоим оглодам голубям корм купить. Она у меня без кандибоберов, я ее не баловала почем зря. В общем, я сказала все. Нет, еще одно. Специально для тебя. Он – выкрест. Да я тебе уже на это намекала, – это она уже кричит с площадки.

Ей хочется схватить и удержать дочь и снова спросить, но не про Варьку, про любовь. Типа: «Деточка, ну при чем тут „выкрест“, я ведь про любовь».

Откуда дочери знать, что мать спрашивает себя, спасает собственную боль-радость, что вдруг настигла ее и держит.

Ее же как заклинило, она что-то вспомнила, но ни одно слово – ну, ни одношенькое – не могло это передать. Просто щекочущая трава и уголек в босоножке.

Но Сонька уже ушла. «Я сказала все» – и хлопнула дверь. Как обычно, с полочки над вешалкой свалилась одежная щетка. Она почему-то всегда падает мордой вниз, то бишь щетиной, на половик, о который вытирают ноги. Когда приедет Варька, то ее ноги никогда вытираться не будут. Она ей говорит: «Детка, не тащи в дом грязь». А та отвечает: «Будешь меня называть деткой, стану называть тебя бабкой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.